

потому ж дешевле вполь, да и того торгу нет». Причину упадка торговли челобитчики видели в том, «что в мире, государь, стала денежная скудость и нужда великая» [16, сст. 1–4].

Таким образом, следует с осторожностью использовать сведения приходо-расходных книг о ценах на товары. Механический сбор таких данных, сведение их в таблицы оставляет вне поля зрения многочисленные обстоятельства, которые влияли на формирование цены.

Практика хлебной торговли XVII в. позволяет сделать общий вывод о том, что без единой метрической системы и при одновременном бытовании разновесной монеты, хронической нехватке денежной наличности не представляется возможным считать всероссийский рынок XVII в. сложившимся явлением. Речь может идти только о начале процесса. Введение новой денежной системы при Петре I, унификация используемой по всей стране метрической системы, сеть речных каналов XVIII в., связавшая бассейны разных рек в одну водную транспортную систему, отмена внутренних таможен в 1756 г. и другие факторы позволяют отнести формирование всероссийского рынка к явлениям XVIII столетия.

1. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 1. Картон 9. Д. 136.
2. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 1. Картон 11. Д. 28.
3. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 1. Картон 13. Д. 269.
4. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 1. Картон 60. Д. 15.
5. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 2. Д. 241.
6. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 2. Д. 249.
7. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 2. Д. 630.
8. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 2. Д. 653.
9. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 2. Д. 847.
10. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 2. Д. 880.
11. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 181. Оп. 1. Д. 1782.
12. Ковальченко, И. Д. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX века: опыт количественного анализа / И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. – М.: Наука, 1974. – 399 с.
13. Маньков, А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века / А. Г. Маньков. – М.; Л.: Издательство АН СССР. 1951. – 274 с.
14. Миронов, Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. / Б. Н. Миронов. – Л.: Наука. 1981. – 259 с.
15. Панеях, В. М. А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. / В. М. Панеях // Вопросы истории. – 1952. – № 12. – С. 141–146.
16. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 141. Д. 94.
17. Сербина, К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. / К. Н. Сербина. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1951. – 485 с.
18. Тихомиров, Л. В. Новгородский хронограф XVII века / Л. В. Тихомиров // Тихомиров Л. В. Русское летописание. – М.: Наука, 1979. – 387 с.

Сукина Л. Б.

ИЗОБРАЖЕНИЯ ДИНАСТИЧЕСКИХ ДРЕВ РУССКИХ КНЯЗЕЙ И ЦАРЕЙ КАК ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ¹

Еще задолго до «визуального поворота» в исторической науке М. Блок отмечал: «Было бы большим заблуждением считать, что каждой исторической проблеме соответствует один-единственный тип источников, применимый именно в этом случае. Напротив, чем больше исследование устремляется к явлениям глубинным, тем скорее можно ждать света от сходящихся в одном фокусе лучей – от свидетельств самого различного рода» [1, с. 40]. При этом он имел в виду, что в поисках исторической истины исследователь должен оперировать данными анализа не только письменных, но и материальных и визуальных источников (если прибегнуть к современной классификации).

С таким «глубинным», по выражению М. Блока, явлением мы имеем дело при реконструкции «династической концепции» [5, с. 345–357] власти в русском государстве XVI–XVII вв. При первых Романовых эта концепция пережила определенные трансформации, понять и оценить которые в полной мере невозможно, опираясь только на письменные источники. Ценный материал для исследователя дают изображения династических древ русских князей и царей, традиция создания которых появилась во второй половине XVII в., при государе Алексее Михайловиче. При различии материалов и техник этих изображений (икона, фреска, книжная миниатюра, книжная гравюра) их объединяет одно важное свойство – все они воспроизводят не реальное, а спиритуальное родословие династии Романовых, воплотившей в себе формировавшийся на протяжении нескольких веков идеал самодержавной царской власти. Изображения княжеских и царских древ предоставляют исследователю возможность

¹ Публикация подготовлена благодаря стипендиальной поддержке Германского исторического института в Москве

воочию увидеть, как современники представляли себе генезис Московского государства в виде определенных символических образов. Но при этом он сталкивается с необходимостью решать нетривиальную задачу дешифровки сложных иконографических композиций, без чего содержание и смысл изображенного остаются непонятными и могут быть ложно интерпретированы.

Вероятно, именно эта сложность и стала основным препятствием использования изображений древ в качестве исторических источников. Из всего известного исследователям набора внимание привлекала только икона Симона Ушакова «Похвала иконе Богоматерь Владимирская» («Древо государства Московского». 1663 г. Государственная Третьяковская галерея. Инв. 28598). М. Е. Бычкова в свое время высказала мнение, что эта икона была первой попыткой создать родословное древо царской семьи по законам западной генеалогии [2, с. 30–31]. Однако чуть раньше В. Г. Чубинская в специальном исследовании, посвященном идейной программе произведения Симона Ушакова, показала, что прообразами его композиции могли быть изображения «вертоградов» в православной белорусской и украинской книжной гравюре второй половины XVII в. [8, с. 290–308]. Исследовательница предлагала рассматривать икону как «полемический трактат», служивший «церковно-религиозным обоснованием политики царского правительства в период становления российского абсолютизма» [8, с. 308]. Разногласия суждений демонстрировала, что иконография Симона Ушакова не так проста, как кажется на первый взгляд, и ее истолкование вызывает многочисленные вопросы.

Ответы на них требуют, в том числе, и восстановления интеллектуального контекста, внутри которого происходило конструирование древа Московского государства, а также выявления круга близких к иконе Симона Ушакова визуальных источников. Все известные на сегодняшний день изображения родословных древ русских царей были учтены в коллективном исследовании, опубликованном в 2018 г. под эгидой Германского исторического института в Москве [4]. В подготовке этого издания непосредственное участие принимал и автор настоящей статьи.

Варианты спиритуального родословия династий Рюриковичей и Романовых во второй половине XVII – начале XVIII в. кроме иконы Симона Ушакова были представлены также: на графической прориси «Похвала иконе Богоматерь Владимирская» 1680-х гг. (Собрание М. С. Бышева, Москва), на миниатюрах Синодиков Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле 1656 г. (Ярославский музей-заповедник № 15585. Л. 104 об.) и Воскресенского Новоиерусалимского монастыря 1680-х гг. (Государственный исторический музей. Отдел рукописей. Собрание Воскресенского монастыря 66. Л. 76), списка Степенной книги 1670 г. (Российская государственная библиотека. Ф. 178 (Музейное собрание) 4288. Л. 61 об.), на фресках папертей Спасо-Преображенского собора Новоспасского монастыря в Москве 1680-х гг. и церкви Ильи Пророка в Ярославле 1716 (?) г., на титульных гравюрах книг «Меч духовный» Лазаря Барановича 1666 г. и «Алфавит собранный, рифмами сложенный...» Иоанна Максимовича 1705 г.

Необходимо подчеркнуть, что все перечисленные изображения, за исключением фрески в Новоспасском монастыре, выполненной по распоряжению царской семьи, о чем сообщается в надписи в нижней части стенописи основного объема Спасо-Преображенского собора, были неофициальными. Они появились по воле и на средства частных заказчиков, из которых только вкладчица Синодика Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, царевна Татьяна Михайловна принадлежала к царствующему дому. Икона Симона Ушакова была написана для московской церкви Троицы в Никитниках – ктиторского храма гостей Никитниковых-Булгаковых. Прорись с нее, предположительно, принадлежала ярославским иконописцам Репьевым. Миниатюра Синодика из Ярославля создавалась в окружении игумена Спасского монастыря этого города. Степенная книга и ее иллюстрации заказывались по дьячим Разрядного приказа Ф. Ф. Постниковым-Парфеньевым для вклада в Успенский собор г. Владимира. Иконографические программы гравюр «Меча духовного» и «Алфавита» были разработаны Лазарем Барановичем и Иоанном Максимовичем, а сами книги их авторы и издатели планировали поднести в дар государям Алексею Михайловичу и Петру I, соответственно. Появление фрески в церкви Ильи Пророка, как мы предполагаем, было связано с деятельностью Ярославского и Ростовского архиепископа Досифея, поддерживавшим тесные отношения с опальной царицей Евдокией Лопухиной и царевичем Алексеем Петровичем [7, с. 24–25]. Поэтому большинство рассматриваемых нами изображений древ фиксировали скорее не государственную династическую концепцию, а представления о ней, существовавшие в различных социальных группах русской элиты того времени (служилых людей, высшего купечества, церковных иерархов).

Династические древа создавались в разное время художниками с отличающимся уровнем мастерства и профессиональной подготовки, и по художественным качествам, в том числе и по степени соответствия изображенного первоначальному идейному замыслу, они не равноценны. Примечательно, что все эти изображения невозможно привести к одному иконографическому знаменателю – настолько различны их композиции. Можно выделить лишь три пары изображений, в которых первое, с большой долей вероятности послужило образцом для второго: икона

Симона Ушакова – прорись «Похвала иконе Богоматерь Владимирская», миниатюра Степенной книги – миниатюра Синодика Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, гравюра «Меча духовного» – фреска ярославской церкви Ильи Пророка «Род правых благословится». При этом образец и производное от него изображение при общем сходстве композиций существенно отличаются друг от друга в элементах и деталях [См., например: 6, с. 115–131]. Для миниатюры Синодика ярославского Спасо-Преображенского монастыря, фрески паперти Спасо-Преображенского собора московского Новоспасского монастыря и гравюры «Алфавита» Иоанна Максимовича в настоящее время не выявлены ни вероятные образцы, ни воспроизведения. Несомненно, таковые были, но до нас они не дошли (например, по описи, составленной в 1672 г. Симоном Ушаковым, известно, что изображения князей, включенных в Степенную книгу, находились на сводах и в оконных проемах Золотой палаты Московского Кремля, расписанной в конце XVI в.). Поэтому каждое изображение необходимо рассматривать, в первую очередь, как особый оригинальный визуальный источник, созданный в определенное время и при определенных обстоятельствах, но при этом иметь в виду и присущие всей группе изображений династических древ видовые черты, главной из которых является их спиритуальный характер.

Все рассматриваемые нами изображения отличаются сложной композицией, включающей значительное количество аллегорий, символов, надписей, визуальных и вербальных цитат. Говоря о специфике их исследования, уместно вспомнить рассуждения Л. Н. Мазур о методе анализа визуальных источников [3, с. 105]. Изучая их содержание, важно не упустить важных информационных элементов, которые часто выглядят как отдельные микросюжеты, декоративные детали фона или обрамления основного изображения. Но многие из этих элементов зачастую существенно изменяют смысл изображенного. Например, замена на прориси «Похвала иконе Богоматерь Владимирская» Успенского собора Московского Кремля (именно он представлен на иконе Симона Ушакова) на Архангельский собор меняет апологетическую тональность всей композиции на коммеморативную.

Для того чтобы в полной мере оценить информационный потенциал изображений династических древ великих князей и царей необходимо провести тщательное исследование каждого из них и дать видовую характеристику всей этой группе визуальных источников. Но уже на данном этапе исследования можно сделать некоторые предварительные выводы. Очевидно, что все рассматриваемые нами древа не являются визуализацией реального родословия династий Рюриковичей и Романовых. Они предлагают различные интерпретации династической концепции царской власти в Русском государстве XVII в. Все известные нам изображения древ возникли в контексте не светской, а религиозной культуры. Образцами для них послужили не столько визуальные древа европейской (в первую очередь, польской) генеалогии, сколько иконописное родословие Иисуса Христа («Древо Иессеево») и Богородицы, лозы происхождения прославленных православных монастырей (например, Киево-Печерской обители) и родов православных правителей и иерархов («Лоза Неманичей»). Абсолютное большинство княжеских и царских династических древ, созданных в России XVII – начала XVIII в. – неофициальные изображения спиритуальной генеалогии правящей династии, поэтому должны рассматриваться как феномены, зафиксировавшие представления о высшей государственной власти довольно широкого круга светской и религиозной элиты того времени.

1. Блок, М. Апология истории / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
2. Бычкова, М. Е. Икона Симона Ушакова идея происхождения государства Российского / М. Е. Бычкова // Церковная археология: материалы первой всероссийской конференции. – СПб.; Псков, 1995. – Ч. 2. – С. 30–31.
3. Мазур, Л. Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования / Л. Н. Мазур // Диалог со временем. – М., 2014. – Вып. 46. – С. 15–108.
4. Родословные древа русских царей XVII–XVIII веков / сост. А. В. Сиренов. – М.: Юбилейная книга, 2018. – 168 с.
5. Сиренов, А. В. Концепция династической монархии в России XVII – первой половины XVIII в. / А. В. Сиренов // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – С. 345–357.
6. Сукина, Л. Б. «Род царствия благословится»: два случая интерпретации богоизбранности правящего дома Романовых в русской художественной культуре второй половины XVII – начала XVIII в. / Л. Б. Сукина // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2020. – № 3. – С. 115–131.
7. Сукина, Л. Б. Фреска «Род царствия благословится» в церкви Ильи Пророка (книжные истоки иконографии) / Л. Б. Сукина // Книжная культура Ярославского края – 2019: сборник статей и материалов. – Ярославль, 2020. – С. 16–26.
8. Чубинская, В. Г. Икона Симона Ушакова «Богоматерь Владимирская», «древо Московского государства», «Похвала богородице Владимирской» (Опыт историко-культурной интерпретации) / В. Г. Чубинская // Труды отдела древнерусской литературы. – Л.: Наука, 1985. – Т. 38. – С. 290–308.